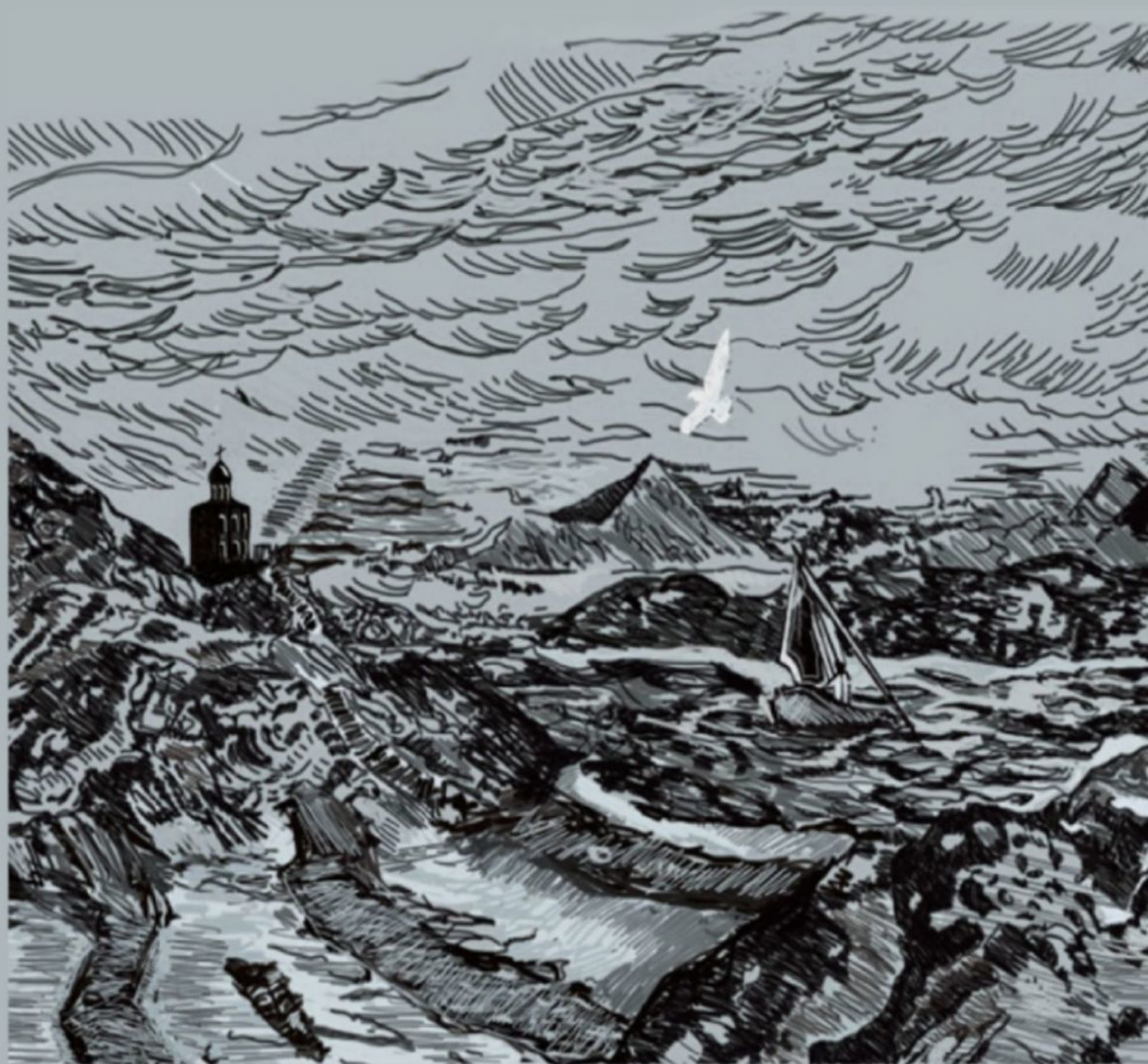

ТРОПИНКИ ВЕРЫ МОЕЙ И ЛЮБВИ

Инна БУТОРИНА (БЕЛЯЕВА-АРСАНОВА)

МОСКВА 2020

Инна Буторина (Беляева-Арсанова)

Тропинки веры моей и любви

«Издательские решения»

Буторина (Беляева-Арсанова) И.

Тропинки веры моей и любви / И. Буторина (Беляева-Арсанова) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507459-1

«Тропинки веры моей и любви» — сборник рассказов, эссе и очерков по следам путешествий автора, которые пронизаны добротой души, Светом и надеждой на то, что в нашем мире Добро всё-таки преобладает. Эта книга будет интересна всем, кто проникся Любовью к Божьему миру.

ISBN 978-5-00-507459-1

© Буторина (Беляева-Арсанова) И.

© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	6
ДЕТСТВО И НЕ ТОЛЬКО...	7
М у р о м	7
М о с к в а	9
Г е р м а н и я	10
И снова Москва	11
Итак, вновь Германия	14
В ПУТЬ – ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ	16
Белозерье	16
Тропа первая	18
Тропа вторая	21
Тропа третья	22
Тропа четвертая	24
Тропа пятая	25
Тропа шестая: Найдена земля!	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Тропинки веры моей и любви

Инна Буторина (Беляева-Арсанова)

Путевые заметки. Эссе. Портреты. Воспоминания

© Инна Буторина (Беляева-Арсанова), 2019

ISBN 978-5-0050-7459-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Старость – хороший отрезок жизни человеческой. Более двадцати лет пребываю в нем и утверждаюсь в этом убеждении. Кругозор больше, МИРО- ощущение, -восприятие, -воззрение и проч. – всё богаче. Опыт – само собой. Ответов уже больше, чем вопросов. В общем, сверху виднее, понятнее, интереснее. Попутно и терпение покрепче. (Ну, конечно же, разные старческие «кряхтелки» тоже при мне – куда от них деться? Впрочем, справляюсь. Бог милостив).

А вообще-то, если серьезно, мне именно двадцать с небольшим лет назад открылась тропа в новую для меня страну – ВЕРУ. Через ее призму теперь и смотрю, и слышу, и – оцениваю...

Подытожила на девятом десятке лет свою жизнь: разбирала наросты своего архива и собрала, что осталось неопубликованным или размещалось время от времени в периодике. Вот и отваживаюсь поделиться этим собранием – оставшимися размышлениями, впечатлениями...

Сегодня надо мне исповедаться:

за всю сознательную жизнь. Или почти за всю. Но прежде всего – понять и ответить на заданный недавно вопрос:

Что есть для меня родина?

(маленькие фрагменты из большой жизни)

Однозначного ответа не имею. Да простит меня читатель. Первая родина – Чеченская земля. Там родилась, в городе Грозном. Через три года меня оттуда вывезли. Но полюбила позднее, когда приехала туда через 56 лет, навстречу выезжавшим танковым колоннам из растерзанной Чечни. Вторая родина, и ставшая основной, – Россия, которая приняла меня накануне Великой Победы, три четверти века назад, и с которой живем во взаимной любви. Хорошо ли, нет ли, но так вот случилось – Третьей родиной считаю Германию, где после войны оказалась с мамой-переводчицей. Но обрела и четвертую родину, уже на уровне полной зрелости – ВЕРУ. Значит, моя родина там, где я получила нечто, вошедшее в меня навсегда как составляющее мою суть, как органическая часть меня.

Рискую наскучить читателю, благодарю за терпение и, помолясь, приступаю...

Дороги и просто отдельные места, ставшие родными. То есть оказался где-то впервые и нашел там и увез с собой то, что стало родным на всю жизнь. Такими местами для меня являются Белозерье в Вологодской области, где родились и жили мои русские предки дворяне Беляевы. Муром, где проходили мои дошкольные годы. Москва, ставшая мне основной родиной. Остров Сааремаа – город Кингисепп (Эстония), где встретила Любимого. Царское Село (город Пушкин-Ленинградский), чудный город, где скрепилась эта встреча на всю жизнь и где я часто бываю, прохожу любимые тропинки, вижу радостно с родней мужа. Предместье города Алапаевска на Урале, где преклонила колени на месте страданий и гибели святой преподобномученицы Елизаветы. Святая Земля (Палестина, Иерусалим). Но это настолько свято, что не смею вводить данное повествование в суету прочих строк. И наконец, немецкие города Галле, Берлин, Дармштадт, Майнц, составившие немалую часть моей биографии. Но особое место на планете для меня занимает Чеченская земля, где моя мать в 1937 году родила меня...

Итак,

ДЕТСТВО И НЕ ТОЛЬКО...

М у р о м

Помню себя живущую с мамой, папой и двумя братьями, много старше меня. По утрам мама уходила в школу учить детей немецкому языку, папа уводил меня (больше, помнится, «увозил» – на санках) в детский сад, а братья отправлялись учиться. Еще у нас была корова, но я боялась к ней подходить близко. И все-таки однажды мне поручили привести ее домой с чужого двора. Это было тяжелым испытанием, и, кажется, у меня это так и не получилось.

Детский сад любила. Особенно когда приезжали гости. Например, дяденька военный, с фронта, который рассказывал о войне, а потом танцевал нам чечетку. И мы тоже пытались. Вечерами дома папа натягивал через комнату длинную нить, намазывал ее варом, а потом прошивал подметки обуви или колотил маленькими деревянными гвоздиками. Вообще, папа много чего-то строил, мастерил, рассказывал о какой-то прежней жизни; частенько, пока ходил взад-вперед-руки-назад, останавливался перед пианино и, наигрывая одним пальцем, напевал «Не слышно шума городского» или «Вечерний звон» (всю жизнь люблю русские песни, вальсы, марши минорного звучания, написанные в начале 20 века – остались бабушкины ноты). Перед сном он мне много читал. Мама хорошо играла на пианино, только редко. Частенько усаживала меня на колени, смотрела в окно, мы вместе что-то мурлыкали. Но однажды она намурлыкала нечто такое, от чего я заплакала. У нее тоже скатывались ко мне ее теплые слезы, и мне думалось, что где-то у нее в груди сражались маленькие человечки и ей было очень больно.

Летом детский сад переезжал на дачу. Сплошные поляны и лес, лес с огромными корневищами деревьев. Деревом пахло везде, даже в помещении, например, от кроваток-раскладушек.

А однажды приехал на велосипеде брат Сережа (я очень гордилась), и забрал меня домой, посадив на раму. Он дышал мне в спину, потом произнес: «Ты ничего не чувствуешь?» Я попробовала почувствовать и призналась, что не получается. «Мама умерла», – сказал он коротко и дальше уже молчал. А я всю оставшуюся ухабистую дорогу думала и отчаянно пыталась представить себе: как это «мама умерла?» Одно было ясно – что-то случилось, нехорошее. Дома было много разных людей. Папы не было видно. Зато мама... Она лежала в гробу, на столе, неподвижная, с закрытыми глазами. Ко мне подходили, гладили по голове, вздыхали. Потом кто-то помог переодеться, надели новые туфли, и все отправились длинной дорогой на кладбище. Туфли нестерпимо жали, меня посадили на телегу, и я смотрела на маму, на качающийся зад лошади, на людей с музыкальными инструментами. Когда они заиграли траурный марш, я узнала – надо же? то самое недавнее мурлыканье мамы, из-за которого плакала (уже позднее узнала, что это был Траурный марш Шопена).

Впереди шли братья, держа под руки громко рыдающего папу. Я его не узнавала (*кажется, больше никогда не слышала таких мужских рыданий, все переворачивается*). Было много школьных учителей и учениц. Все выступали и, плача, отходили... А дома был накрыт стол, и я удивлялась: надо же горевать, а не есть. (*Увы, осталась затуманенной страничка истории* этих моих воспитателей: о маме Кате знаю, что она была одной из последних выпускниц Императорского Смольного Института благородных девиц. А вот о папе Косте – почти ничего. Как соединились их судьбы? Кем он был в те годы? Было известно лишь, что его родной брат Михаил Черниловский был женат на двоюродной сестре Кати – Любове Зининой, тоже учившейся в Смольном. Хорошо помню семейное фото: они обе рядом в одежде сестер милосердия.)

Мы остались втроем. Но вскоре из Москвы приехала Муся, мамина родная сестра. И тоже очень плакала. Она и раньше бывала у нас, такая красивая, душистая. И я вспомнила, как слышала разговор взрослых, которые думали, что я сплю. «Инна-то ведь еще не знает, кто ее настоящая мать», и они называли Аню, другую сестру мамы, которая вечно где-то «шляется». И я тут же ее вспомнила, как она привозила в кружке пшено, и для меня специально варили пшенную кашу, полюбившуюся мне на всю жизнь. Она прихрамывала, мы садилась с ней за печкой и слушали, как над нами гудели немецкие самолеты: «на Горький, на Горький летят». Мне было ее жалко. Наверное, ей трудно одной, почему она «шляется»? И представлялось, как она прихрамывает по каким-то дорогам, одна, и обязательно в шляпе (*позднее узнала о ее подвигах: она ездила и ходила по городам и весям, собирая материалы для своих исторических работ. Помню, и я с ней где-то ходила*). А папа по-прежнему шагал в своей полувоенной одежде по комнате, заложив руки за спину, и все говорил, резко доказывая: «да разве сидел бы я здесь, если б не контузия!?» Я понимала, что идет война, но считала, что так всё и должно быть, ибо не помнила довоенного времени. Помню также, что почему-то очень переживала за Киев (сказки, сказки), и мне специально сказали о его освобождении. Я ликовала.

Взрослые много говорили, и было решено, что я уеду с Мусей в ее Москву. И вскоре нас с ней провожали на вокзал папа и братья Орик и Сережа. Там я впервые и с некоторой грустью прочитала: МУ-РОМ. Но будущее манило.

М о с к в а

В новой жизни я узнала, кто на самом деле была моя мама и что папы вообще не было, и муромские родители остались для меня мамой Катей и папой Костей, а их сыновья – моими двоюродными братьями. Муся отвела меня в школу, в первый класс. Еще в Муроме папа Костя и братья научили меня читать, и мне не было особенно трудно учиться. Меня вызывали по списку как Беляеву-Черниловскую. В детском саду я была Черниловской, по папиной фамилии. А Муся (она жила одна) и все ее сестры – Беляевы.

Поначалу Москва заключалась для меня лишь в нашем и рядом школьном дворе. Но они не были замкнутыми, а сплошь проходными. Однажды зашла за мной погулять подружка и, увидев у нас зонтик, предложила его взять с собой. Скрепя сердце я согласилась. В одном из дворов какая-то девушка остановила нас и попросила ненадолго зонтик, «сейчас принесу и чем-то вас угощу». Мы долго ждали, подружка ушла, я не смела стронуться с места, пока меня, горько плачущую, уже вечером не увели домой встретившиеся соседи. Дома тоже было горько: «как ты могла? Да кругом еще и «черная кошка ходит!»

Зима была холодной, отопление не работало. Стены в инее. Мы, одетые, занимались: Муся учила свой немецкий, я пыталась аккуратно писать в самодельных тетрадках, а они промокали. Первый класс закончила с отличием и наградой в виде пальто. И, кроме того, пришла теплая, праздничная весна. Закончилась война. 9 мая меня взяли на Красную площадь, и я лицезрела и поглощала вместе со всеми москвичами этот незабываемый бурный праздник.

Однажды приехала Аня. Муся ей объявила, что собирается в командировку в Германию. Мы были ошеломлены: как можно? Ведь там же одни немцы! Но она уехала, и мы остались одни. А через год она приехала в отпуск и уговорила Аню позволить взять меня с собой. По моему, мама Аня не была довольна.

Германия

Знакомство с побежденной и ненавистой Германией началось с главного вокзала Ostbahnhof в Берлине. Город был разрушен до основания. Где же живут люди, если ни одного целого дома? – удивлялась я. А на улице – коридор из двух шеренг тощих людей с детьми, просящих «клепа, клепа» (хлеба) и продающих разные предметы и вещички. Я знала, какую разрушенную, страдающую страну представляла собой моя родина, сколько уже пересмотрено фильмов, книжек (особенно хорошо помню большую книгу про блокадный Ленинград), мне надо ненавидеть этих людей, злорадствовать, но это не получалось. Они просили помощи. Потом видела другие цепочки людей на грудях разрушенных домов. Они передавали и передавали друг другу бесконечные обломки (*помню, ходила шутка: кто-то из наших спрашивал – что это они все время «и» да «и»? Да когда передают обломок – «битте иён», а принимающий его – «данке иён». В основном, это были женщины, в залатанной одежде, но опрятные*)...

Мы поехали в город Галле, Halle-an-der-Saale, где Мусе предстояло работать переводчицей в Советской военной администрации и где мы прожили несколько лет. Город не был разрушен. Все было интересно, и я впитывала каждую подробность. В городе была советская средняя школа, в которой я училась с третьего по пятый классы. Большинство жили в советском военном городке, а мы – вне его, в 4-этажном доме, рядом с работой Муси, в котором жили еще несколько русских семей. Кстати, вскоре я стала называть ее мамой, как мне казалось, для удобства жизни, чтобы не отвечать на частые расспросы.

Квартира наша была с мебелью, стояло даже пианино, которое влекло и напоминало муромское. Казалось, все кругом хорошо. Муся, как и ее сестры, тоже играла, но все же лучше всех (мне говорили, что моя бабушка-крестная была хорошей пианисткой). Я совсем не умела, но у меня получалось подбирать разные хорошо знакомые вещицы, потом «изобрела» какие-то нотные знаки, понятные только мне. Вскоре Муся привела учительницу музыки. Она оказалась русской, давно живущей в Германии немолодой, не очень приветливой женщиной, но и я ее невзлюбила: как это она оказалась здесь, во вражеской стране? Однажды она спросила, что я читаю (я лежала больная, с учебником), и я с гордостью показала ей учебник с портретами Ленина и Сталина. Больше я ее не видела (*всю жизнь со стыдом об этом вспоминаю*). Но со старенькой фрау Пеге охотно и с интересом занималась у нее дома. До сих пор в моем архивном шкафу лежит ее дряхленькая нотная книжка-тетрадь с ее же пометками.

В этом доме появились и друзья. Близкой подругой стала мне Хельга, на все годы жизни в Галле. Мы играли и во дворе, и у нас дома, разыгрывали пьески и показывали взрослым. Постепенно я стала одна ходить по городу – в школу и пока мама на работе. Мой немецкий набирал обороты. Мама удивлялась произношению: «нас учили в институте ставить язык, а у тебя со слуха все получается». А мне было удивительно – что тут особенного? Недалеко находилась кирха (почему-то с петушком на башне), туда меня тоже влекло, правда внутрь не решалась войти. Частенько случались эпизоды, когда нас с Хельгой, очевидно, и других детей, на улице угощали совершенно незнакомые люди – то монахини какой-нибудь печенюшкой, то, например в трамвае, женщина с корзинкой фруктов – по яблоку. Мне, сытой, было стыдно (народ голодал), но, так же, как Хельга, сделав книксен, принимала угощение. А маме как-то сказала, что пусть-ка Хельга поживет у нас, пока каникулы – она была из многодетной семьи, худющая, зеленая. Мама согласилась, а в семью всегда что-нибудь да посылала.

Там, в Галле, я в первый раз услышала оперу. Это была «Пиковая дама», которая мне долго потом не давала покоя. Постигая музыку, приятно было вскоре узнать и увидеть памятник И.С.Баху в центре города...

И снова Москва

У мамы Муси отпуск, а меня поместили в специальный интернат, для девочек, на улице Казакова, от министерства иностранных дел, так как дома, на Каляевской (ныне Долгоруковская), «невозможно было жить», но мама Аня жила и «сторожила ЕЁ комнату». Иногда она приезжала ко мне в интернат, и все продолжало быть двусмысленным в отношении родства. Муся же всегда присылала нам с ней посылки.

Училась я средненько. Блистал (на фоне других учениц) только мой немецкий, хорошим был и русский. Кстати, однажды было обнаружено, что совсем не знаю немецкой грамматики, и мне, по-моему, с удовольствием поставили единицу и сообщили в Германию маме.

Но какие увлечения! – музыка и... море. Любимые книжки – про морские путешествия, рисовала, писала стихи, любимый фильм – шедший в те годы про нахимовцев. Я горевала, что не родилась мальчиком, – непременно пошла бы учиться в Нахимовское училище (эта любовь к морскому – неизвестно почему и откуда – осталась на всю жизнь).

Мы бегали в театр Транспорта (так назывался нынешний театр Гоголя), находившийся напротив нашего здания, на любимые спектакли, к любимым артистам. Нас знали и пропускали.

Через два года приехала окончательно мама Муся, мы вновь на Каляевской, а я в своей школе. Мама Аня то с нами, то у родственников. Тайная жалость к ней всегда во мне оставалась. Но строгой маме Мусе я боялась перечить, хотя, знаю, она меня очень любила.

В 13 лет определили в музыкальную школу. На фортепиано опоздала, но свободны места на флейту, гобой, кларнет. Выбрала «волшебную» флейту, другое было мне не ведомо. А через два года поступила в консерваторское музыкальное училище, считавшееся престижным, по тому же классу. Там позднее влилась в ту стихию, которая захватила меня так же, как Море, о котором пока еще только мечтала. Это был Симфонический оркестр...

Взросление повлекло неминуемо к острому желанию узнать все-таки о моем настоящем отце, что все еще оставалось *tabula rasa*. Этому помог случай. Мы были с мамой Аней одни дома, и я отважилась на прямой вопрос. И услышала, что в 37 году, когда я родилась в «замечательном» городе Грозном («*Ах, как бы мы там жили!*»), были в нашей стране для многих людей очень тяжелыми условия жизни. Отец был чеченцем, интересным писателем (*я впервые услышала о такой нации, и это понятно теперь в связи с тотальной их депортацией в 1944 году – потому о чеченцах и других народах в основном никто и не знал, но тогдашней власти именно это и надо было. Этнос погибал, но выжил. Это уже особая страница*). Но отец был арестован в 37-м и затем сослан куда-то далеко. «Не знаю, – сказала она, – жив ли он. Наверное, нет». Судя по тому, что мама со мной, маленькой, уехала оттуда совсем, я поняла, что она не была его настоящей женой. Но это её «наверное» побудило меня принять твердое решение: стану взрослой, буду искать. Мне было 14.

Моим следующим родным местом стал Московский государственный университет. Факультет я выбрала исторический. А специализацию – история Германии. Но – вечернее отделение, надо было что-то зарабатывать. Работала в детском учреждении музыкальным руководителем, и мне это нравилось. Дети – еще одна моя любовь. Обе мамы были уже пенсионерами. За учебу, слава Богу, не приходилось платить. По вечерам играла в оркестре МГУ, еще в старом здании (*теперь там, по исторической справедливости, храм Татианы-мученицы*). Этот оркестр – тоже моя маленькая родина, ибо там было всё родное и милое, с общей любовью к музыке, с общими трудностями и радостями. Из этого клуба вышли такие известные в культуре люди, как «отцы» КВН, Ия Саввина, Роллан Быков, Марк Розовский, Алла Йошпэ...

В 1957 году наш оркестр открывал Московский всемирный фестиваль молодежи, во время каникул разъезжали и по России, и по разным нашим тогдашним республикам.

А 1961 год принес мне великую радость и откровение. Однажды на гастролях в Свердловске (Екатеринбург), после концерта ко мне подошел человек в военной форме, «хотел познакомиться с девушкой-флейтисткой». Рассказал о себе, расположил нас своим вниманием и эрудицией, а меня к откровенности. Именно в этот период я стала сильно «шевелиться» в поисках отца, и душа была переполнена именно этим. Узнав, что этот человек был близок к литературным кругам, не выдержала и рассказала ему о своих поисках. Он пообещал в Москве обо всем разузнать. И сделал ЭТО.

Вскоре я получила информацию: Да, Арсанов освобожден, живет в Грозном, председатель правления союза писателей, «если хотите его видеть, было сказано, поторопитесь: ему 70 лет, и он очень болен». Была приложена маленькая фотография из личного дела. Нечего и рассказывать, что со мной происходило...

Надо признаться, что никогда не забывала папу Костю. В положенный срок, я получила паспорт с указанием отчества «Константиновна». Пока училась в училище, на каникулы одна ездила в Казань, где жила семья брата Игоря (Орик – это домашнее) и куда переехал папа Костя, расставшись с Миромом. Летом, как вся казанская интеллигенция, они жили в складной самодельной дачке на берегу Волги, которой, конечно же, я была покорена. Мне все время хотелось ее переплыть (тогда Волга еще не была разлита), но быстрое течение не давало. Зато, когда мы на моторке оказались в месте слияния Волги со Свягой, уверенная в своих силах – ведь я хорошо плавала – внезапно нырнула в волго-свяжское волнение. Конечно, пришлось покорно выслушать крепкие упреки, ведь за меня отвечали. Но все же встреча с довольно большой водой состоялась (а с настоящим морем, Черным, встретила через пять лет и вот уж отвела душу-то!)...

И вот – **папа**, настоящий. Он есть, и еще не знает обо мне. Как теперь быть? У меня есть адрес, но нет уверенности, что мое письмо придется кстати, что я не подведу его, да и маму тоже (от нее держала в тайне). Может быть, у него семья, я ничего не знала. Носила черновик письма при себе. Наконец, отправила, вроде бы с соблюдением необходимой этики. Я не умела тогда молиться, но теперь-то понимаю – по существу я вся была в молитвах. И вот, сначала телеграмма: «Получил Ваше письмо, ждите мое заказное». Оно довольно быстро пришло, и это была поэма, которая позднее была мною описана в первой же книжке, открывшей мне тропинку в писательскую среду.

Мы счастливо встретились (мне было 23 года). Много часов он рассказывал мне подробности ареста, об отмене расстрела «тройкой» (благодаря сорабничеству с Кировым), о реабилитации и работе на поприще развития культуры чеченского народа. Являлся представителем республики в Москве. Приятно было обнаружить наше с ним сходство, и внешнее (кроме роста – он был высокий, да и нос мой был скорее вздернутый, а у него с горбинкой, – зато оба голубоглазые), и душевное (оба доверчивые, добряки и романтики), и папа тоже хорошо говорил по-немецки, да еще на баварском диалекте (дореволюционная эмиграция).

Еще о «писательской среде». Папа настоятельно рекомендовал мне именно это (т.е. соответствующий факультет, и даже звал в Грозный, на что не могла решиться). Он ссылаясь на мое к нему «содержательное» письмо, но я не соглашалась, трусила, ощущала себя неполноценной, недообразованной, несостоявшейся. А он в свою очередь не одобрял мой, так сказать, политический выбор: окончив еще перед МГУ курсы министерства иностранных дел (стенография, машинопись, иностранный язык, основы дипломатии, делопроизводство), я получила приглашение к ним на работу. Тогда мне это imponировало, привлекало именно МИДовское, взаимоотношения между государствами. «Мне бы не хотелось, – говорил папа, – чтобы ты отдавала себя этой машине». Еще в студенческие годы в Петербурге он активно участвовал в революционном движении. В советское время также активно работал и при центральном правительстве,

и на Северном Кавказе, сотрудничая с Кировым, Крупской, но... продолжал верить в непогрешимость Сталина, даже находясь в ссылке.

Мы расстались. Я пообещала приехать в Грозный, и мне этого очень хотелось. Кстати, жил он один. Жена была русской, художница, умерла во время ссылки (ей, за ним последовавшей, он трогательно посвятил свою первую книгу). Но у меня началась не очень легкая подготовка в первую командировку – в Берлин, в наше посольство. Вот тут-то я непростительно промахнулась: инертность, нелепая боязнь – затормозили и не сподвигли меня съездить перед командировкой к отцу...

Командировка длилась три с половиной года. Общение с папой перешло в эпистолярное, он всегда мне писал, я ему отвечала, и накопилась довольно значительная и свято хранимая стопка его писем. Забегая вперед, скажу, что вскоре после моего возвращения из Берлина папы не стало. Мое обещание повисло и осуществилось в первый раз лишь в 1996 году, уже без него. Я надолго сникла.

Итак, вновь Германия

В целом пребывание в этой стране, помимо основной работы, дало мне и собирание материалов и впечатлений. Год 1962-й. Берлин отстроенный. С первых дней ходила одна по разным местам, вспоминая разрушенный город и рискуя навлечь на себя от наших если не подзрения (что она себе позволяет?), то удивление, не дружественное. Но я была уверена в себе, и четко понимала, чего не следует делать. Ездил не только с экскурсиями, но иногда и приватно по разным интересным историческим местам. А однажды удалось даже съездить в Галле, город детства, побывать на нашей улице – Schleiermacherstrasse. Вот она-то действительно вся была под липами (в Берлине наше посольство, так же, как и университет, находятся на улице «Unter-den-Linden», т.е. под липами). Как только мы вышли из машины, этот запах тут же хлынул на нас. И с тех пор все годы июньско-июльские благоухания липовых аллей дают мне, помимо любимого физического чувствования, волнующие воспоминания.

Но было нечто, что несло огорчительное настроение, вызывало досаду. Мы, люди, и даже страны, уже привыкли тогда к послевоенному разделению побежденной Германии на зоны. Это было логично с точки зрения стран-победительниц. Но не берусь обсуждать здесь и анализировать политические итоги второй мировой войны. А вот о разделении Берлина не могу не сказать. Это представлялось мне ошибкой, повлекшей не мирные обстоятельства у обеих сторон. Были насильно разделены семьи, нарушены родственные и иные связи, много расстрельных преследований. И, конечно же, соответствующие настроения в народе. Ужаснее всего – политическое и военное нагнетание. И что еще того хуже – участвовавшие неонацистские вылазки. Слава Богу, эта нелепая, грубая ошибка, Стена, исправлена. И не стоит забывать, что именно из Германии устами канцлера Вилли Брандта, антифашиста, от всех немцев, перед всем миром было объявлено слово покаяния за развязанную мировую войну. Любое покаяние, – как это ни трудно, – начиная с детского «прости, я больше не буду», возвышает провинившегося, не правда ли?

Через несколько лет защитила дипломную работу под названием «Неонацизм в Западной Германии». Мне настоятельно предлагали взять тему о культурной революции в ГДР. Конечно же, мне не хотелось копаться в этом. Какая революция? Культура есть культура. И в той же ГДР ее предостаточно: Один Дрезден, Лейпциг, Веймар что стоят. Но революция? До сих пор непонятно. Возможно, я не права.

Последний, дозамужний отпуск я провела в Эстонии, где жил со своей семьей мой второй муромский брат Сергей Черниловский. Окончив Тартуский университет, он работал, кажется, в органах ГБ. Вспомнила об этом (1973 год) потому, что, по примеру некоторых моих знакомых, мне хотелось забраться на какой-нибудь островок Балтийского моря, наплаваться и отдохнуть без многолюдья (готовилась вслед за этим в мидовскую командировку в ООН (Нью-Йорк)). Но для «островка» необходим был пропуск, в чем и помог мне брат Сережа. Вместе с Ириной, близкой подругой-сослуживицей, мы попали на остров Сааремаа, в небольшой городок Кингисепп (есть еще и под Питером одноименный). Я блаженствовала и, видимо, подвела Иру, привыкшую к комфорту, а мы кое-как нашли жилье. На пляже никого русских. Войдя в воду, ощутила так любимую мной свободу, и хотелось, нырнув в водное лоно, плыть и плыть туда, подальше. И вдруг сугубо русское: «Девушка, не боитесь одна?» – омрачило мою свободу, никакого мужского компонента отдыха мы не предполагали. Как назло, было все еще мелко, что мешало нырнуть и спрятаться под водой. Рискнув, бросила через плечо что-то типа «не ваше дело, до свидания», нырнула и пошла почти руками по дну. И наконец, как мне показалось, пришел момент всплывать. Да, путь был свободен, позади тоже никого. Плыву, плыву

и вдруг... передо мной резко выныривает голова с улыбкой до ушей и огромными, обезоруживающе добрыми глазами. Застигнутая враспloch и поняв, кто это, я почти засмеялась, а это означало мир.

«Куда плывем»? «Да куда-нибудь туда, к горизонту» (мой ответ, как выяснилось, зацепил его на всю жизнь) ... И мы плыли уже вдвоем, он то и дело нырял и доставал со дна камешки. Я вспомнила об Ирине, добровольно «накрывавшей поляну», и на обратном пути попросила его к нам не подходить. Позавтракали с Ирой вкусными прибалтийскими яствами и расположились читать. Но, оказывается, мы были объектом наблюдения, и вскоре я уже знакомила Иру с Колей, который был воспринят недружелюбно. Но когда он увидел, что она читает Станислава Лема, стал радостно шпарить оттуда отрывки, чем, конечно же, снискал расположение (он находился там в командировке (закрытой, конечно))...

Вечером мы встретились вдвоем с Колей. Что-то мне подсказывало, что я не должна это пропустить, хотя перед Ирой было совестно. Бродили по окрестностям, зашли в средневековый замок Курессааре (епископский замок 14 в.) и вдруг из дальних залов красивый женский голос донес до нас безупречное «Ave Maria» Шуберта. Это было уж слишком для нас, абсолютно влюбленных. Пошли на этот зов, и вскоре перед нами распахнулись тяжелые двустворчатые двери. Два рыцаря жестами приглашали войти. Мы увидели большое П-образное застолье, все слушали пение. Было понятно, что нам нельзя злоупотреблять явным заблуждением хозяев в наш адрес, и через несколько минут мы, поблагодарив, решили покинуть этот, как выяснилось, традиционный Summit трех Прибалтийских республик (в нашу честь, смеялись мы).

Этот светлый июльский вечер продолжился народным гулянием в большом поле, с огромными древними качелями, в честь Ивана Купалы. *(Много позднее узнала, что 7 июля в православном календаре отмечается как день рождения Иоанна Крестителя).*

Эпилогом явилось предложение Коли стать его женой. («Но я недавно разведена и не тороплюсь замуж, а если серьезно – мне нужен муж-друг». «А я как раз ищу такую подружку-жену»). Надо сказать, пока гуляли, приятно (и кстати) было обнаружить в Коле не только общечеловеческую и инженерную значительность, но и довольно глубокую литературную начитанность (поглубже моей). В общем, предложение было принято, но осуществилось всё лишь через два с половиной года – после моей командировки. Мы решили это назвать нашей обоюдной проверкой. *(Добавлю, что мы ее с честью прошли, в итоге получив двух родившихся в любви дочек.)* А когда, спустя время, я с общила обо всем этом брату Сереже в Таллин, он не без сарказма ответил: я так и знал, что ты от меня что-то скрывала...

В ПУТЬ – ПО СЛЕДАМ ПРЕДКОВ

*Воспоминания – стоит до них дотронуться – так и накипают. И потому, вспоминая предков и их рассказы, – отправляюсь **В ПУТЬ, – ПО ИХ СЛЕДАМ.***

Белозерье

Уже будучи на пенсии, оставшись вдовой, страстно потянуло на Вологодчину, в город Белозерск, о котором то и дело слышала (но не была) от обеих мам и разных других родственников. Ездил туда несколько раз и одна, и с родственной компанией (двоюродные брат Женя Беляев и племянницы Лена и Оля). Целей было немало. Несколько слов о главных из них: Кирилло-Белозерский монастырь, где об этой святыне хранилась рукопись мамы Ани, и я ее получила. ГорИцкий женский монастырь на реке Шексне («монастырь опальных княгинь»); святыни города Устюжна; Ферапонтов монастырь, с фресками Дионисия; сам Белозерск со множеством святынь, город, где жили мои и моих родственников предки.

Особая цель – поиск усадьбы Беляевых, потомственных дворян, о чем прочитали в старинной музейной книге (спасибо Богомоловой Татьяне Валерьевне, директору музея). Нашли не сразу, с третьей попытки, и тоже очень романтично. Обо всем было написано и издано в местных изданиях.

Осталось несколько особо святых тем, которые хотелось бы изложить отдельно, буде это мне благословлено.

И, наконец, еще одно из ряда вон выходящее повествование – город моего рождения, Грозный, Чеченская земля, чеченские люди, какими я их увидела и узнала. Но об этом в отдельном изложении.

Таковы маленькие фрагменты из моей большой жизни, такова эта исповедь пополам с воспоминаниями, основные ее части – как органическая часть меня, составляющие мою суть в любви к родному...

Эти части лежат мягкими комочками где-то там, за грудиной, ближе к сердцу. Когда радостно, все нутро ликует и всё кругом люблю. Когда же горько, обида, потеря, вина, – нутро-Душа тяжело болеет, а с ней и вся я.

Люди Белозерья – какими я их увидела.

У меня не было цели описывать Белозерские святыни ни в богословском, ни в историческом ракурсе, ни тем более в искусствоведческом – все это хорошо, профессионально преподнесено людьми достойными, знающими. Мне же хотелось лишь поделиться своими личными впечатлениями и воспоминаниями. И к этому не в последнюю очередь подвигнул меня протоиерей Вячеслав Резников (светлая и вечная ему память), преподававший «Новый Завет» на Богословских курсах, когда напомнил нам однажды о важности и святом долге перед своими предками, которых большей частью мы не помним...

Однажды отчетливо осознала давно назревавшее: хочу, наконец, оказаться на родине своих ушедших в Вечность прародителей. В первый раз, пока не поздно. Никого не осталось из той родни, которые начинали жить на стыке 19 и 20 веков, века, принесшего им войны,

революции и связанные с ними тяготы жизни. Тем более не спросишь у их родителей, то есть у бабушек, дедушек...

Как же быть, если растет эта потребность и требует выхода? И отправилась...

Шествую по следам предков в вологодских пределах, этой святой северной старины, встретила много новых и чрезвычайно ценных для меня лиц, что послужило ключом и компасом в принятии и понимании значимости этого путешествия вообще, и тех немногих жемчужин края, которые довелось посетить.

Прежде всего, хотела бы рассказать **о людях**, оказавших мне замечательную помощь и ставших дорогими на всю оставшуюся жизнь, – в городе Кириллове, в Ферапонтове, в ГорИцах, в самом Белозерске. Это и насельники монастырских обителей, работники науки и культуры, общественной сферы и просто давние жители тех мест. Личные встречи, устные рассказы – узнавание частички истории Руси...

Итак, на седьмом десятке лет почувствовала потребность оглянуться далеко-о-о назад, насколько сумею. Заспешила, засобиралась. Позднее из Белозерского историко-художественного музея, с которым теперь имею постоянные контакты, ко мне обратились с просьбой показать фамильные архивные материалы. Краеведение – великая вещь. История отечества собирается из таких вот фрагментов. А русский Север так же значим и свят для нас, как и Киевская Русь, а теперь, пожалуй, с наложением веков, геополитических «мудростей» – и более того. Потому и устремилась в Белозерье пройти тропами древней святости и вдохнуть напоенного той же святостью, пополам с августовскими травами, воздуха, познавать новое, а на самом деле очень старое, но никогда не стареющее. Признаюсь, была и конкретная цель – воспрянула душа искать родовое гнездо. Удастся ли? (Забегая вперед, не утерплю сказать: удалось! но, кажется, с пятой поездки). А пока...

Тропа первая

Взяв благословение из родного храма Рождества Христова, с московского Ярославского вокзала поездом – в Череповец. А там, на вокзальном перроне, – прямехонько в открытую дверь часовни святителя Николая Чудотворца. И это то, что надо для православного путешественника. А сопутствовала мне тогда троюродная племянница Ольга, из ветви старых родственников белозеров Васильевых-Зининых.

Небольшая суэта на автобусном вокзале, ищем маршрут на Белозерск. Вполне подходящий буфетик и... говорок, милый, северный, очень русский и очень знакомый, родной (помню по моим старикам).

...В Белозерск железнодорожного пути нет – водой следовать, дорогой пращуров, остается теперь только ностальгически мечтать – и мы влились в пассажирскую летнюю сутолоку автобусной станции.

С детства много слышала о Белозерье, о Белозерске, где жили эти мои предки, о Затишье, где когда-то было свито их дворянское гнездышко и где хозяйничала моя бабушка, Беляева (в девичестве Сурина) Анна Ильинична, крестная моя. А супруг ее, Беляев Сергей Александрович, мой дедушка, служил в чине подполковника царской армии (о нем хотелось бы больше разузнать – он, говорили, рано умер). Храню старинные фамильные фотографии, открытки. Разглядывая их, так хочется расспросить подробнее. Но ответа уже не услышу...

Знала, что Белозерск – это старинный русский город, где жизнь идет в замедленном темпе и еще многое пропитано духом патриархального уклада, но совсем не предполагала, как много можно добавить к этим скудным черточкам. Очень кстати прислали мне недавно из Белозерска замечательную книжку светлой памяти безвременно ушедшего Константина Ивановича Козлова под дорогим названием «Белозерск» (спасибо Татьяне Валерьевне Богомоловой)¹. В ней всё – и научность, и обширная информативность, и одновременно простота изложения, а главное – искренняя, бескорыстная любовь, открытая и щедрая – ко всему, о чем он пишет². Приятно было обнаружить, что мы с автором полностью сошлись во мнении по одному из очень важных моментов: «...Белозерск встречает нас с южной стороны аэродромом, автобазой, промышленными предприятиями – в общем въезжаем в город с „черного хода“, – констатирует с легкой досадой автор. Впиваюсь с надеждой дальше. Много вынашивала всяческих возможных водных путей пробраться в Белое озеро и пристать у канала к самому Белозерску. Издревле это был единственный путь – водой. В XIV веке как можно было еще доставляться? Впрочем, святые наши подвижники, птенцы гнезда преподобного Сергия Радонежского, Кирилл, Ферапонт и их последователи шли и водой, и льдом, и лесом... А я, грешная, если уж не на пароходике обыкновенном, пассажирском («Бабуля, ты откуда свалилась?» – вопрошали меня служащие речники, – теперь нет таких) тешила себя найти лазейку на какую-нибудь баржу потрудиться там. Больших лет моих не боялась, а вот бойкости не хватало. Ну, а предлагаемые новые транспортные средства – фешенебельные, многопалубные туристские теплоходы не подходят ни сердцу, ни кошельку паломника).

И вот читаю далее у Константина Козлова: «Давайте войдем в Белозерск через «парадный подъезд» – через Белое озеро, тем более что на этом пути нас ожидает много прекрасного». Вот оно! Через озеро! Но внимание: ... «Впрочем, и печального тоже...». Что имел в виду Константин Иванович под печальным? В последние несколько лет лишены мы и жалкого

¹ Козлов К. И. Белозерск. Описание города, его храмов и достопамятностей. – М.: Северный паломник, 2007.

² Вниманию молодежи! Козлов Константин Иванович (1962—1998) – основатель и первый руководитель Добровольческого объединения молодежи «Реставрос» при Патриаршем Центре духовного развития детей и молодежи Московского Свято-Данилова монастыря. Руководил работами добровольных помощников реставраторов в Белозерье: городах Белозерске и Кириллове, сёлах Ферапонтово, Горицы, Талицы.

подобия прежних водных транспортных средств для простых пассажиров: убрали «Метеоры», и даже причал демонтировали. Кому ни выражу свои недоумения, огорчения, все вокруг говорят одно и то же: нерентабельно. Вот и в комментарии К. Лобачева к этой книжке тут же читаем: «К сожалению, торжественный вход в Белозерск через «парадный подъезд» с начала нового века стал недоступен – знаменитые метеоры отменили за убыточность (ладно хоть К. Козлов этого уже не увидел). Так значит, не так уж я наивна?»

«Первая встреча с Белозерьем – любовь с первого взгляда, – читаем у К.И.Козлова, – потому что невозможно не полюбить этот своеобразный северный край, эту святую землю, это озеро – бескрайнее и величавое, то ласково-голубое, то тяжело-свинцовое в белых барашках. Нельзя не поддаться суровому очарованию древних храмов и валов, нельзя забыть колоритную речь белозеров, свойственную только этому краю...»

Родимая мета города – сооруженная во времена Великого князя Ивана III крепость – «рубленая осыпь». Это был мощный земляной вал, поверх которого шла рубленая высокая стена с 6-ю глухими и 2-мя воротными башнями, и окруженный рвом. Стена дожила до середины XVIII века, ров перестал заполняться водой. Но и сегодня Вал вызывает трепет, особую гордость, почтение к нашим потомкам, и пишут его с большой буквы. Удачная древняя планировка донесла до наших дней выгодное расположение цитадели Белоозера (так когда-то назывался город), весь ее эффектный вид. Память мгновенно вытолкнула наружу изображения на старых открытках из домашнего альбома. Там же, внутри кремля (Вала) – школа, бывшая гимназия, где учились мои предки; храмы и музейные здания (сейчас всё это входит пока в общий историко-культурный комплекс, разные постройки, в том числе жилые).

Отсюда, с Вала, и открылось Белое озеро. Скорее к нему! Спустились на берег, ближе, ближе. («Мамочка! Тетушки, дядюшки! Дедушка! Бабушка! Видите? Я у вас, здесь, в гостях!» – кричала душа)

Берег был безлюдным: настойчиво и серьезно заладил дождь. Забралась на смотровую вышку – высокую металлическую конструкцию – и захватило дух, забились в одной амплитуде мое волнение (так же, как когда-то, лет сорок назад, впервые обнялась с морем) и желто-синее (не белое!) волнение этого водного безбрежья. Меня всегда спрашивали: в кого это у тебя – любовь к морю? Неизвестно. (Остается отшучиваться: «Инна», мужское имя, воин, 1 век, в переводе с готфского – «сильная вода», церк. календ.).

Еще одна интересная деталь для меня, как уже отмечалось, говор местных жителей – неторопливый, распевный, окающий – где-то больше, где-то меньше, интонация речи, которая для музыкального слуха особенно привлекательна и запоминаема. Мне это знакомо с детства: мои московские тетушки говаривали похоже. А то, что знаешь с детства, – это навсегда. Потому и стали мне Белозерск и всё к нему прилегающее родными.

Город со стороны озера как бы подстрахован каналом, который вырыт в середине 19-го века, «дабы спасались от гневливого озера купеческие суда, идущие по Мариинке». Всевозможные картинки, чаще бытовые, попадавшиеся мне во время моего променада вдоль канала и просившиеся в объектив, дополняли значение канала для жителей: девушка удит мелкую рыбешку – рядом терпеливо восседает кошка; на мостках – корзины белья для полоскания; купальщики, не рискующие спускаться по валунам в главную воду; а вот на центральном месте канала, где понтонная переправа, по-местному называемая лавой, с каких-то давних дней сидит сухонькая старушка, баба Шура, которая походит на ровесницу канала – и правда, родной он ей, она всегда здесь, оберегает в любой час, и с ней приятно перекинуться парой приветливых слов: «Да вы Откуда будете-то-о? У Тамары Павловны? Да кто ж не знает-то ее-о!».

В Белозерске нас гостеприимно приютил «прянишный» розовый домик коренной белозерки Тамары Павловны, очень дальней моей родственницы, в бывшем видного работника города. Сразу, войдя в калитку, куда привела меня племянница Оля, обволокло эдакое детское восхищение, как от красочной книжной иллюстрации. Во дворе – огородик, садик, цвет-

ник – всё как-то чинно встречает и нежится в скромных условиях северного лета; чистые окошки с занавесками и геранью, вычищенное крыльцо, покрытое круглыми вязаными половичками; кружевная поленница – полешко к полешку, как петелька к петельке. Выставочный образец. Это ее сын Сережа, мареман, плетет, как потом выяснится. Он же чудо-баньку сколотил, со всей положенной, да с выдумкой, атрибутикой. Кругом еще морские, водные эмблемы: Сережа – штатный работник большого водно-лесного хозяйства, работает на грузовом катере (показывал его нам). Те дни, помнится, жаркими не были, но в водицу-то озера-легенды окунулись. А как же? Сплавали. Далеко не уплыла, но впечатлило, приобщила.

Все, что ни встречала в городе, почему-то воспринималось знакомым с каких-то незапамятных времен. Везде ощущался дух предков.

С любезной помощью самоотверженных хранителей культуры Белозерья, с которыми познакомилась, а с кем-то и сдружилась, рассматривала и изучала с любопытством, интересом и даже гордостью, как за свое родное, примечательные места города, хотя порой и с грустью – ох как медленно (или вообще никак) пробивается реанимирование православной старины. Храмы города большей частью ждут своего пробуждения для службы по назначению либо являются частью музейного комплекса. Это последнее, кстати, очень хорошо налажено, что ценно во всех отношениях. Церковные же службы пока проводятся только в двух (рядом друг с другом) храмах – зимой – в Богоявленском, летом – в Успенском, который совсем недавно вновь открылся народу. Трепетно отстояла там службу, помянув всех своих родных – близких и дальних. Познакомилась с отцом настоятелем. Тогда это был отец Сергей. Когда меня повели к нему, он занимался изготовлением свечей... Была взволнована, узнав, что отец Сергей ведет окормление узников-смертников, заключенных на маленьком острове Сладком (!) в Андозере, что немного на юго-запад от Белого озера. Кто они, узники? Это могут быть самые значительные минуты в жизни человека, не знавшего Евангелия. Ведь он подошел к краю, за которым, как он считает, мрак. И, благодаря священнику, его проповеди, разъяснениям, такой человек впервые узнаёт об уверовавшем разбойнике, которому Христос угодовал место в Раю, впервые очищает свою душу...

Тропа вторая

Святыни Белозерья. О Кирилло-Белозерском монастыре следует рассказывать особо. А пока что... о замечательном человеке, Алексее Ильиче Смирнове. Он возглавляет всю научную работу Кирилло-Белозерского историко-культурного заповедника, как сейчас официально называют Кирилло-Белозерский монастырь, возраст которого уже перевалил за 600 лет. Стены и башни белые, а толщина и диаметр – что тебе Московский Кремль.

А.И.Смирнов, ученый, энтузиаст, влюбленный в свое дело, в свой край, не избалованный нашими столичными благами и оттого не тронутый налетом цинизма, какой-то чистый, настоящий. То же и о сотрудниках всех можно сказать. Их трудами и любовью держится и обновляется Кирилло-Белозерский монастырь. В отреставрированных помещениях собрано русское искусство XV – XIX веков. Можно увидеть и старинные книги, учебники, например, Священно-церковную географию. Благоговейно рассматриваешь личные принадлежности преподобного Кирилла. Наконец, гордость заповедника – иконостасы. «Пророческий ряд», «Праотеческий ряд», «Ветхозаветная Троица». Все – в свежей реставрации.

Алексей Ильич оказал мне ценную услугу. Была найдена и мне вручена рукопись моей матери, Беляевой Анны Сергеевны «История Кирилло-Белозерского монастыря», которая писалась чуть ли не две трети века назад, и, я знаю, – в очень сложных условиях. В конце семидесятых годов, когда мама уже умерла, мне бы следовало заняться рукописью и довести до нужного завершения, но в тот год и еще через два года у меня родились дочери, – запоздалые и желанные (а главное, я, грешная, видно, тогда еще не доросла до этого сознания). Рукопись в свое время предложил отвезти в Белозерск Петр Константинович Георгиевский, в те годы бывший заместителем министра очень серьезного советского ведомства, почетный гражданин Белозерска и много для него сделавший (мои родственники были дружны с его семьей). В те годы жизнь моя вращалась совсем в иной орбите, и, повторюсь, лишь к старости сподобилась повернуться в сторону старины, предков, к Богу – проросло зернышко моей бабушки, Анны Ильиничны, крестной моей.

Тропа третья

От Кирилло-Белозерского монастыря (из города Кириллова) довольно короткая дорога автобусом (вполне можно пешком, и это бы лучше) к Воскресенскому ГорИцкому женскому монастырю, что возвышается на высоком берегу реки Шексны (впадающей в Белое озеро). Спасибо А. И. Смирнову – это он направил сюда с добрым и полезным напутствием и рекомендовал заночевать. Какие знакомства! Какие впечатления! Чувствовала себя там именно блаженно, особенно в келье, куда определили для ночлега и из оконца которой открывался вид на Шексну. «Монастырь опальных княгинь» – так называлась книжица, из которой узнала об этой обители. В 12 часов ночи – белой ночи – насельницы повели на святую гору Мауру, где могучие древние ели касались нас широченными мохнатыми лапами, где нещадно жалили комары и где на вершине ждала нас каменная глыба с вечными следами святого Кирилла Белозерского. С этого камня он обозревал окрестности и ту сторону, что стала впоследствии местом его обители, превратившейся со временем в величественный монастырь.

«Давай, Марина», – попросила одна из послушниц. Худенькая девушка с русыми волосами и большими блюдцами сине-голубых глаз поднялась на Кириллов камень, протянула руки свои туда, к Кириллову монастырю. И полилось, чисто и протяжно, серебристым колокольчиком, через огромное молочно-сумеречное пространство, через холмы и вершины елей:

«Богородице Дево, радуйся. Благодатная Марие, Господь с Тобою. Благословенна Ты в женах, и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Я обомлела... Меня воздушно наполнило всё, без остатка, – так, что, казалось, разбегусь, раскину руки и полечу с горы туда, куда направлена молитва.

Обновленные, в молочном разливе ночи, мы спускались с горы. Верхушки ГорИцкого монастыря открылись нам в новом ракурсе, таинственные и величественные в своем молчании, на фоне ночной безмятежности северного широкого пространства, на высоком берегу Шексны. Нечего и говорить, что уснуть ни на минуту так и не удалось.

Не раз еще, слава Богу, навещала Горицкую обитель и впитывала новых ощущений и лицезрений, например, стайки ребятишек, учеников воскресной школы, приехавших сюда со священником каникулы свои провести – душеполезно, духовно, красиво – и помочь в трудах. Послушала, стоя за уголочком, проповедь-занятие, послушала ответы детей... и совестно, досадно мне стало: со своим университетским историческим образованием ощутила нехватку в себе чего-то большого и очевидного – дети знают то, чего не знаю я (вскоре, в Москве, приступила к восполнению этого упущения).

Через год встретила здесь только двух прежних насельниц – радушную, но строгую и распорядительную главную хозяйку обители матушку Евфалию, кажется, ставшую уже игуменьей, и ее неизменную помощницу Ирину, молодую, высокую и стройную, с приветливой, в ямочках, улыбкой, но тоже строгую и, где надо, властную хозяйку. А через несколько лет я неожиданно встретила ее, уже в монашеском одеянии, выходящей из знаменитых двубашенных ворот Ферапонтова монастыря. Мы радостно встретились. Она была наречена новым именем – Илария. Молодая матушка рассказала, что берет теперь уроки иконописи.

Обитель укрепилась. Во всем видна основательная хозяйственность. Помогают приглашенные мастера-мужчины. Слышны мычание коровы, бляение козочки. Сочно и аппетитно выглядели огородные гряды, радовало разноцветье со вкусом оформленных клумб. Но самое для всех радостное – отвоены после долгих и трудных стараний Воскресенский и Троицкий храмы, построены новая трапезная, больничная церковь, жизнь забурлила. На этот раз довезла немудреные подарки – вещицы, гостинцы. Звана была, как и в прошлый раз, на трапезу, что наполняло одновременно и радостью, и робостью. Помолились, спели. Был Петров пост. Ели

щи, пшеничную кашу (любимую мною с детства), угощали своей выпечкой – замечательными булочками, которые («непреренно, непременно») дали и с собой.

Иногда очень приятно обнаружить, что мир тесен: за трапезным столом встретила двух женщин, мать и дочь, приехавших на лето сюда поработать из Московского Царицына, в храме которого «Живоначальная Троица» служит протоиерей отец Георгий Бреев, духовный отец батюшки Игоря Федорова, нашего настоятеля (и моего духовного отца), и нашего главного законоучителя (и первого моего) Игоря Александровича.

Не мною одной замечено, что сегодня люд наш российский в провинции, и в частности школьники, студенчество, ученые – зачастую чище, надежнее и перспективнее столичных. Об этом слышно все чаще, это замечают все больше, и это уже становится знаковым явлением. Об этом говорят школьные олимпиады, студенческие конкурсы, и это радует.

Тем не менее (но не в обиду будь сказано, ибо причины здесь, видно, объективные), есть и другая сторона. Во многих городах и весях заметна, к сожалению, некоторая косность, например, в продвижении вопросов возрождения Церкви, монашества. Понятно, что многое упирается в финансы. Но что-то, наверное, здесь кроется еще. Кирилло-Белозерский монастырь пока что посещается в основном не паломниками, а экскурсантами, в том числе широко иностранцами, а монастырь преподносится как историко-культурный памятник (2007—8 гг.). Монахов не видно. Есть один единственный действующий храм – Преподобного Кирилла, а монашествующих – двое (если не один). Видно, еще не срок. Зато ценнейшие иконы, церковная утварь и многое другое, как уже говорилось, находятся под надежной защитой высококлассных искусствоведов, реставраторов, и одновременно они доступны для обозрения. Кстати, еще раз о водном пути и о неизвестных тормозящих причинах. То, что в городе Белозерске нет больше пассажирских катеров и вообще более не существует причала, конечно же, нонсенс. Повторяю: где ни спрошу, ответ всё один: денег нет, невыгодно. Не умею и не хочу просчитывать, но не покидает мнение, что для налаживания традиционного водного пути тем людям, от которых это зависит, нужны просто жгучее желание, стремление, любовь как к своему родному.

Тропа четвертая

Теперь о Ферапонтове! Еще один священный краешек северной Руси, *Северной Фивиды*, как называют эти края. Боже, как действительно он весь пронизан святостью, древностью – вплоть до каких-то особых запахов. Именно это ощутила, когда заглянула в разрез невысокой стены-ограды монастыря, над которой коньком идет как бы скатная крыша, а внутри – полость (должно быть, такой тип имеет определенное наименование).

Кругом чистые, прозрачные озера. По берегам – древние, глухие баньки. Двухарочные Святые врата в монастырь, ставшие как бы его символом, храмы Пресвятой Богородицы, храм преподобного Мартинаана. И – удивительное чудо, которое сохранилось до наших дней, – фрески Дионисия, которого почитали самым знаменитым среди русских иконописцев еще его современники, то есть в 70-х годах XV столетия. (Анастасия Ивановна Вьюшина, хранительница, смотритель и кассир, жительница села Ферапонтова с давних пор, рассказывала, как берегли они с покойным мужем в Великую Отечественную все эти святыни).

И еще одна ценная для меня встреча: **Елена Романовна Стрельникова**. Сегодняшний форпост русской православной богословской науки и культуры на Русском Севере. Собирательница, аналитик, пропагандист русской старины. Автор великолепных, знаниями и любовью написанных, работ – «Новомученики и исповедники белозерские...», «Ферапонтов монастырь в ликах и лицах»... Подвижница – вплоть до быта: трудное, особенно зимой, житье-бытье. Болезни, нехватки всякие и проч., проч. (а ведь добровольно покинула свой родной Питер). Знают ее в этих краях все. Поэтому найти ее не составило никакого труда. Мало было у нас времени на общение, но с обеих сторон – теплота, искренность, желание успеть побольше друг другу рассказать, услышать. (Кажется, она теперь монахиня). Елена Романовна прорабатывает возможность и варианты водных путей паломничества в эти места. Это, собственно, и было целью моего к ней прибытия. На Русский Север! Водой!..

А «наводчиками» на нее опять-таки были другие примечательные люди. В частности, в Белозерске – патриот, подвижник, организатор и собиратель всего для города близкого и дорогого – **Пушкин Геннадий Павлович**. От него же я имею большой Альбом Памяти, где перечислены имена земляков, отдавших свои жизни в Великой отечественной. Будучи одним из главных лиц города, организовал дом-музей еще одного из лучших земляков, совсем недавно умершего, замечательного поэта, певца края – **Беляева Леонида Александровича**. А мне-то как жаль! Все уверены в нашем родстве, а я ищу, ищу наши корни и ветви... Так вот, в поисках корней моих (то есть родовой усадьбы Беляевых) Пушкин Г. П. присоветовал двигаться до **села Ануфриево** и там встретиться с **Грозовым Алексеем Алексеевичем**, также собирателем и ревнителем истории этого края и его людей.

Тропа пятая

И опять двинулась из Белозерска в трехчасовую поездку по святым местам Вологодчины. И мне нравилось стоять в набитом до отказа (на выходные – из города!) провинциальном автобусишке. Слушать окающую, добродушно-озорную словесную перекидку пассажиров, едущих на выходные из города, влядываться в скользкий назад ландшафт. Даже если ни к чему не приеду, – думала, – одно созерцание, слушание этого говорка пассажиров, их здоровый юмор – стоили такой поездки. В голове рождались путевые рассказы. Где-то рядом и село Росляково – родственная нам фамилия. Проезжаем остановку автобуса под этим названием. Как дорого все это звучит.

Здесь же в автобусе – обзавелась новыми друзьями. Они доставили меня в деревню Ануфриево, конечная остановка. Автобус не возвращался в Белозерск, и мне предложили заночевать у новых друзей. Познакомили с Громовым А. А., деревенским энциклопедистом. Еще один подвижник. Энтузиазм, любовь к краю, к людям – фонтаном бьет. Передо мной один за другим альбомы, карты, фотографии, схемы, проекты. Все вычерчено, вырисовано руками, а выглядит полиграфически. В деревне есть клуб-библиотека, где он директором. Мы побывали там. По стенам – карты и схемы края – все его руками. Все, что видела я, должны бы видеть глаза корреспондентов центрального телевидения (вроде бы они и были). Громов – жемчужина края. Еще одна. Он собрал и «самиздал» истории людей-героев, «жития» местных «святых», наших современников. Что же касается моего вопроса (поиск усадьбы Беляевых – Затишье), то он ничего не слышал. Считает, что это имение находилось не на пути этой дороги, а где-нибудь в глубине, к северу. Грустно. Не у кого больше спросить. Моих стариков никого не осталось. Только они и могли сказать точно, где найти Затишье. Поздновато собралась я в этот путь. Но оно было, было, и никак иначе.

Зато рядом было имение Георгиевских, в селе Воздвиженском. Георгиевские – мамыны друзья детства по Белозерску, где они учились в гимназии (о Петре Константиновиче Георгиевском сказано выше).

Громов направляет меня к древней, 100-летней старушке: вот уж она-то знает!

«Затишье-то-о-о-о? Помню Затишье-то», – прошамкала приветливо окающая бабушка, показывая рукой куда-то на север (кстати, как и Громов). – «Теперь уж порушилось, да заросло, видно, там все». Хозяева (т.е. семья Беляевых) разъехались, а оставшиеся муж с женой (управляющие?) жили в отшельничестве, пили, дом в итоге сгорел. Это пока всё, что удалось тогда услышать о Затишье. И за то спасибо.

Итак, заночевала я у моих автобусных знакомых, сестер Гали и Жени. Крепкий деревянный дом на каменном фундаменте и высоком цоколе, бывший купеческий. Здесь их ждали старая бабушка, их мама, и внучек. Максим, трехгодовалое рыжее существо с широко распахнутыми голубыми глазами, которые удивленно и вопрошающе были направлены на меня, сразил: «Ты Откуда взялась-ТО?». Долго меня изучает. Потом: «Очки-тО сними!». «Ну, а где она, Москва-то твоя? – смотрит на мои руки и карманы (что-то насобирала из сумок своих и выложила). Собрали стол: две молодые бабушки, одна старая, еще одна бабушка да я. Максим, перед пустым блюдцем, с сознанием своей мужской значимости: «Ну, чаю-тО наливайте что ли! Ох, девки, дождетесь вы у меня! Ремня-тО получите». И смотрит на меня с достоинством. Спрашиваю: «А что, ремень-то есть у тебя?». «Ремень-тО? Да вон он, висит на стене-тО!»... Вдоволь все насмеялись, поддерживая радость ребенка.

Хочу, хочу вновь их всех увидеть...

Пора было возвращаться в Москву, а Затишья так и не нашла...

И вот однажды получаю письмо из Белозерска от Татьяны Валерьевны, директора, хранительницы историко-художественного музея: «Приезжайте, Инна Константиновна, – писала она. – Нашлось ваше Затишье!» (в такие мгновения крайней радости у меня обычно крепко, до сильной боли сжимает голову). Оказывается, оно имело двойное название, и слово «Затишье» шло как бы вторым.

Тропа шестая: Найдена земля!

В 2005 году, в очередную поездку на Белозерье позвала с собой двоюродного брата, Евгения Беляева, сына дяди – Николая Сергеевича. Женя мой ровесник, и сейчас он самый старший носитель нашей фамилии. Надо сказать, что всякое свое родство воспринимаю весьма трепетно, – и двоюродных, и троюродных, так как родных братьев и сестер у меня нет. С нами поехали его дочь, Леночка Беляева, с мужем. Всё это явилось весомым вкладом в поиск.

Итак, этот путь был уже как-то более определен. В музее нам постарались очень в этом помочь. Сначала Татьяна Валерьевна показала совершенно уникальную для нас запись в книге, которая была перед этим любезно предоставлена в музей одним частным лицом. Беспристрастная конторская запись сообщала об усадьбе Затишье (село Заднее); о владельце: наследная дворянка Беляева Екатерина Николаевна (удивительно, такое имя и отчество носит моя старшая дочь); о количестве людей, скота и проч. Это уже была победа.

Но пока никто не знал, в какой точке района находилась эта усадьба. По предположениям наших помощников, следовало ехать автобусным рейсом в направлении села Ануфриева (так ведь я прежде и ехала, но мимо нужного места) до села Глушково, далее пешком куда-то на юго-восток (все-таки по-моему, на северо-восток), в сторону к Шексне, а потом что Бог даст...

Погода и вся экология нам благоприятствовали и сопутствовали – много солнца, тепло, еще густая зелень, безветрие, пение птиц. Полные надежд, мы бодро двигались вперед, лихо преодолевая небольшие дорожные неудобства. Фотоаппараты практически не опускались вниз.

Это длилось часа два, пока, наконец, не увидели двух мужчин у небольшого подворья-хуторка. Мы постарались понятно рассказать причину своего здесь появления. Я готовилась вновь услышать что-нибудь вроде «да не слышали здесь такого, зря ищите...». Но человек, назвавшийся Юрой (как выяснилось потом, это был Юрий Алексеевич Кулаков, активный в культурной жизни города человек, и нам это было приятно), нас понял, поверил и взялся быть нам проводником, да не пешком, а на его допотопном ЗИЛе (дай Бог ему, ЗИЛу, еще послужить). Мы лихо покатали, дружно вчетвером подскакивали в кузове, и боялись спугнуть свою удачу. Наконец, нам предложено было сойти вниз: «дальше ехать нельзя, будем пробираться пешком». Юра показал нам густой и высокий малинник («поПитайтесь поОка»), а сам пошел один, в густоту кустов, оглядеться. Через минут десять он вывел нас на большую открытую поляну и с достоинством объявил: «Видите, Одна трава и, что характерно, ни одного деревца: здесь и была усадьба, видимо, та, которую вы ищите».

Действительно, сплошная трава, высокая, густая. Да старая яблоня, что, по мнению Юры, тоже было «характерным». Мы обошли поляну по краям (хотелось проползти ее вдоль и поперек), уже в зарослях обнаружили ровное болотце, явно рукотворное. Чуть дальше – круг заросших булыжников. Что это? Следы хозяйственной постройки? Церквушки?

Этот поиск Юра завершил призывом: «Вот! Приезжайте, косите, пашите...»... Никто не понял, можно ли это воспринимать всерьез. Но – тронуло. На обратном пути он показал нам загон, где держит стадо телят в двадцать голов. Юра – фермер. И, кажется, он нам друг.

У своего хуторка он посадил нас в свой легковой автомобильчик и доставил к сельсовету, где мы, буквально по горячим следам, хотели узнать поподробнее, получить уже официальное объяснение, спросить карту и вообще – в некотором роде заявить о себе. Но ничего не получилось: то ли был короткий рабочий день, то ли просто отсутствовали нужные люди... Мы не стали дожидаться и уставшие, возбужденно-довольные вернулись в Белозерск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.